

***

— Парень, одежда-то на тебе совсем изорвана, — Цяо Цяньли выудил из заплечного мешка чистое одеяние и бросил его Цинь Фэну. — Наставник, позвольте мне понести его.

— Хорошо, — едва Чу Ханьюэ успел согласиться, как юноша в его руках вцепился в него мертвой хваткой.

В уголках покрасневших глаз заблестели слезы.

— Что такое? — мягко спросил Чу Ханьюэ.

— Ничего, — Цинь Фэн едва заметно качнул головой, но во взгляде его промелькнул нарочитый испуг. — Просто тот гэгэ выглядит так грозно... Я попробую встать сам.

Он предпринял попытку подняться, но лишь сильнее навалился на Чу Ханьюэ. Схватившись за поврежденную руку, юноша болезненно поморщился.

— Я ранен... Яд в крови, ноги совсем не держат. Наверное, я скоро умру. Оставьте меня здесь, не хочу быть вам обузой.

Чу Ханьюэ осторожно взял его за руку. Рана почернела, хотя кожа вокруг сохранила естественный цвет.

— Странный яд, — пробормотал он и сурово взглянул на Чёрную змею. — Есть ли от него лекарство?

— Есть... то есть нет! — змеиный демон задрожал под ледяным взглядом Цинь Фэна. — Этот яд не убивает, но... но...

— Говори же, — Чу Ханьюэ и сам догадался, что отравы не смертельна, иначе истощенный юноша не нашел бы сил на разговоры. Однако у этого яда явно было иное, куда более скверное свойство.

Змеиный демон бросил быстрый взгляд на Цинь Фэна. Суть действия яда была настолько бесстыдной, что даже ему, твари ползучей, было неловко произнести это вслух. «И как я только связался с этим мелким паршивцем? С виду — человек чести, а в душе, небось, озабоченный похлеще любого демона».

— Не заставляй меня ждать.

Заметив, что Бессмертный почтенный Чу вновь потянулся к мечу, Змеиный демон запричитал:

— Мой яд... через полчаса он подействует. Начнется... начнется...

— Да что начнется?! — не выдержал Чу Ханьюэ. Ему показалось, или демон действительно покраснел?

— Начнется нестерпимый жар в крови! Пламя похоти выжжет его изнутри, если он не разделит ложе с женщиной! — выпалил змеиный демон и тут же спрятал голову под хвост. Позор на всё змеиное племя!

— Какая мерзость, — Чу Ханьюэ едва не разрубил гадину пополам, но сдержался: змея еще могла пригодиться для допроса.

— Мне так жарко... — Цинь Фэн потянулся к вороту и покрылся нежно-розовым румянцем. — Мне плохо...

Видя, как юноша в беспамятстве раздирает ногтями шею, оставляя на ней багровые следы, Чу Ханьюэ перехватил его руки.

— Не смей калечить себя. Я помогу.

«Поможет!» — Цинь Фэн ликовал в душе. Он подался вперед, обхватив лицо бессмертного ладонями, и уже готов был впиться в его губы поцелуем, но в последний миг в рот ему грубо впихнули горькую пилюлю.

— Это пилюля детоксикации. Твой яд не смертелен, так что лекарство подействует, — Чу Ханьюэ быстро обернул его в одеяние, брошенное Цяо Цяньли, и, наскоро связав рукава, превратил одежду в подобие смирительной рубашки. Узника он передал ученику. — Если начнет буйствовать — выруби его.

Цинь Фэн: «...»

— Только бей аккуратно, не покалечь, — добавил Чу Ханьюэ.

— Будет исполнено, Шицзунь, — Цяо Цяньли уже занес ладонь для удара в шею, но Цинь Фэн ловко вывернулся и скатился на землю.

— Не надо! Кажется... кажется, мне уже лучше.

Он высвободился из пут и принялся надевать одеяние, лихорадочно соображая. «При

свидетелях этот святоша точно не согласится на близость. Ладно, сначала втирюсь в доверие, а там посмотрим».

Закончив с одеждой, Цинь Фэн пристроился поближе к Чу Ханьюэ.

— Голова всё еще кружится... Позвольте мне хоть немного опереться на вас?

Чу Ханьюэ промолчал, лишь бросил на него мимолетный взгляд. Он собирался продолжить допрос змеи, когда в воздухе внезапно разлился густой, приторный запах крови. Подняв голову, заклинатель увидел, как пространство затягивает багровое марево. Он взмахнул рукой, гася магическое пламя.

В наступивших сумерках стало видно, что окрестности окутал кровавый туман. А из далекого дворца донеслись переборы циня.

— Она идет...

Чёрный змей затрясся так, что чешуя заклацала. Чу Ханьюэ нахмурился.

— Это та, кто подчинил тебя?

— Она самая! — прохныкал демон, пытаясь забиться за спину заклинателя. — Она здесь полноправная хозяйка, а мы лишь рабы. Она велит нам ловить людей... ей на пропитание.

— Кто же она такая? — Чу Ханьюэ обернулся, чтобы уточнить детали, но обнаружил, что змеиный демон умудрился незаметно освободиться от пут и дать дёру.

Цинь Фэн, прикрыв глаза, втягивал носом воздух. Такой плотной, застарелой вони яо он не чуял уже давно, и это зрелище вызывало в нем странный азарт. Но чувства эти были иного рода, нежели те, что будил в нем Чу Ханьюэ. Стоило ему учуять его аромат, как внизу живота начинало гореть от желания разложить того и вытрахать досуха. От запаха же этой твари его подмывало лишь размазать её по стенке.

Судя по мощи, эта нечисть могла бы выдержать его удары дня три, не меньше. Самое то, чтобы размяться.

Цинь Фэн сжал кулаки, раздумывая: не стоит ли прямо сейчас приложить Бессмертного господина Чу и его недотёпу-ученика заклинанием сна, чтобы в одиночку разделаться с этой мразью?

Чу Ханьюэ, закрыв собой «беззащитного» юношу, скомандовал ученику:

— Место гиблое, уходим!

— Уходим? — Цяо Цяньли покосился на сияющий кровавым светом дворец. — А если тварь выберется наружу и нападет на людей наверху?

— Будь у неё такая сила, она бы не послала змей за добычей, — отрезал Чу Ханьюэ. Он подхватил Цинь Фэна и одним прыжком взлетел на крепостную стену. — Сначала выберемся, а там решим.

— Пришли — и уже собрались уходить? — вкрадчивый женский голос, казалось, доносился отовсюду и ниоткуда.

Кровавый туман вдруг ожил, выбросив сотни багровых щупалец, похожих на когтистые лапы. Они вцепились в лодыжки Чу Ханьюэ и сдернули его со стены. Он рухнул в вязкое алое месиво, едва не задохнувшись от тошнотворного запаха гнили.

Цинь Фэна и Цяо Цяньли постигла та же участь.

— Шицзунь! Этот туман не разрубить! Что делать?! — вскричал Цяо Цяньли, отчаянно барахтаясь в дымке.

Чу Ханьюэ стиснул зубы, пытаясь высвободиться, но тело внезапно налилось свинцовой тяжестью, лишая его малейших сил.

Звуки циня становились всё громче. Из кровавой пелены начали проступать темные силуэты — целая свита призрачных слуг в дворцовых одеждах.

За ними несколько евнухов несли роскошный паланкин. В нем, изящно откинувшись на подушки, сидела женщина в алом платье. Пышные наряды и драгоценности слепили глаза, но из-за густого тумана лица было не разглядеть.

Она небрежным жестом отвела полупрозрачную завесу дыма. Она впиалась угольно-черными глазами в троицу незваных гостей и хищно ухмыльнулась, обнажая частокол острых клыков.

— Думала, привели трех смазливых юнцов для забавы, — прошипела она. — А оказалось — принесли знатное угощение.